

ИЗ НОВЫХ КОММЕНТАРИЕВ К ПУШКИНУ:
«ДЕЛИБАШЬ»

Александр Долинин
(Мэдисон — Москва)

Автографы:

[1] ПД 911 — неоконченный и неотделанный черновик трех строф на листе, вырванном из так называемой арзрумской тетради (№ 841), с рисунком всадника в бурке и шляпе (попытка взгляда на себя со стороны?).

[2] ПД 126 — белой с поправками. Под текстом помета «Сыганлу» и дата «7 сент<ября>», относящаяся, по всей видимости, к 1830 году.

В составе цензурной рукописи третьей части «Стихотворений Александра Пушкина» — печатный текст из СЦ с добавленной датой «1829», вычеркнутой Плетневым при подготовке издания.

Принято считать, что черновой вариант «Делибаша» (далее ДЛ) без последней строфы был написан в 1829 году, а затем, год спустя, доработан и отделан в Болдино.

В третьей части «Стихотворений Александра Пушкина» ДЛ напечатан в разделе текстов 1829 года под № 4, между «Монастырем на Кавказе» и «На холмах Грузии лежит ночная мгла...». В плане цикла «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)» (Измайлов 1976: 222–223; Слина 1977) занимал предпоследнее место, перед заключающим цикл «Доном».

Помета «Сыганлу», опущенная при печати, — это неточное, по памяти, название горного хребта Саган-лу (вариант: Саганлуг) в турецкой Армении, быстрый переход через который открыл корпусу Паскевича дорогу на Арзрум и предопределил победу в кампании 1829 года. Пушкин отсылает к сражениям, которые велись здесь с 14 по 20 июня и свидетелем которых он был. В них русским войскам удалось наголову разбить два крупных соединения противника: 30-тысячное войско арзрумского сераскира Салех-Паши и 20-тысячную армию Гаки-Паши. По сведениям военного историка Н.И. Ушакова, в рядах последней сражалось до 3000 *делибашей* (варианты: *делисы*, *дели*; букв. отчаянные / удалые головы, удалцы, сорвиголова, от турецкого *deli* — безумный, бешеный и *baş* — голова), как в Турции называли кавалеристов, составлявших личную гвардию пашей и отличавшихся безрассудной отвагой (Ушаков 1836: 77). В «Путешествии в Арзрум» Пушкин упоминает их, описывая сражение 19 июня: «Я остался один, не зная, в которую сторону ехать, и пустил лошадь на волю Божию. ... Вскоре показались дели-баши и закружились в долине, перестреливаясь с нашими казаками» (VIII, 469). Вероятно, Пушкин вспоминал также более раннюю стычку на Саган-лу, которая произошла 14 июня, на следующий день после его приезда в действующую армию, и явилась его первым военным опытом. Ср. рассказ о ней в «Путешествии в Арзрум»:

Проехав ущелие, вдруг увидели мы на склонении противоположной горы до двухсот казаков, выстроенных в лаву, и над ними около пятисот турков. Казаки отступали медленно; турки наезжали с большею дерзостью, прицеливались в шагах двадцати и, выстрелив, скакали назад. Их высокие чалмы, красивые долиманы и блестящий убор коней составляли резкую противоположность с синими мундирами и простою сбруей казаков. Человек пятнадцать наших было уже ранено. ... Подкрепление подоспело. Турки, заметив

его, тотчас исчезли, оставя на горе голый труп казака, обезглавленный и обрубленный (VIII, 467).

Согласно Н.И. Ушакову, в этом эпизоде передовую цепь казаков атаковал сводный отряд, в который входили и делибаши (Ушаков 1836: 87).

В «Путешествии в Арзрум» Пушкин умолчал о том, что в столкновении казаков и турецкой кавалерии он сам едва не сыграл роль «сорвиголовы», рвущегося в бой. Как сообщает Н.И. Ушаков:

Перестрелка 14 июня 1829 года замечательна потому, что в ней участвовал славный поэт наш Александр Сергеевич Пушкин. Он прибыл к нашему Корпусу в день выступления на Саганлуг и был обласкан Графом Эриванским. Когда войска, совершив трудный переход, отдыхали в долине Инжа-су, неприятель внезапно атаковал передовую цепь нашу, находившуюся под начальством Подполковника Басова. Поэт, в первый раз услышав около себя столь близкие звуки войны, не мог не уступить чувству энтузиазма. В поэтическом порыве он тотчас выскочил из ставки, сел на лошадь и мгновенно очутился на аванпостах. Опытный майор Семичев, посланный Генералом Раевским вслед за поэтом, едва настигнул его и вывел насильно из передовой цепи казаков, в ту минуту когда Пушкин, одушевленный отвагою, столь свойственною новобранцу-воину, схватив пику после одного из убитых казаков, устремился противу неприятельских всадников. Можно поверить, что Донцы наши были чрезвычайно изумлены, увидев пред собою незнакомого героя в круглой шляпе и в бурке. Это был первый и последний военный дебют любимца Муз на Кавказе (Ушаков 1836: 305–306).

Поединок, заканчивающийся одновременной гибелью обоих бойцов, не упоминается ни в «Путешествии в Арзрум», ни в реляциях Паскевича, ни в историях русско-турецкой войны 1828–1829 годов и едва ли имел место в действительности. Сюжет, скорее всего, идет от античных мифов и легенд, где он встречается неоднократно. Так, согласно мифам фиванского цикла, изложенным среди прочего в «Финикиянках» Еврипида, во время осады Фив убили друг друга на поединке перед сражением сыновья Эдипа Этеокл и Полиник; в «Географии» Страбона (кн. XIV, ч. 5, 16) рассказывается о такой же гибели двух греческих прорицателей Амфилоха и Мопса после Троянской войны. Из «Истории Рима» Тита Ливия и жизнеописаний Плутарха Пушкин должен был знать о поединке римского консула Луция Юния Брута и Аррунта, сына изгнанного царя Тарквиния, пошедшего войной на Рим. «Вступив в римские земли, — пишет Тит Ливий, — враги встретили обоих консулов: Валерий вел пехоту боевым строем, а Брут — передовую конную разведку. Точно так же шла конница и перед вражеским войском, возглавлял ее царский сын Тарквиний Аррунт, а сам царь следовал за ним с легионами. Угадав издали консула сперва по ликторам, а потом уже ближе и вернее — в лицо, Аррунт, возгоревшийся гневом, воскликнул: “Вот кто изгнал нас, исторг из отечества. Вот как важно он выступает, красуясь знаками нашей власти! Боги — мстители за царей, будьте с нами!” И, пришпорив коня, мчится он прямо на консула. Брут заметил, что на него скачут. Тогда считалось почетным, чтобы вожди сами начинали сражение: рвется и Брут к поединку, и столь яростна была их сшибка, что ни тот ни другой, нанося удар, не подумал себя защитить, так что оба, друг друга пронзив сквозь щиты, замертво пали с коней, насаженные на копья» (Тит Ливий 1989: 68)¹. По той же модели построена легенда о поединке Пересвета и Челубея перед началом Куликовской битвы, которые, говоря

¹ Эти же главы «Истории Рима» Пушкин имеет в виду, когда пишет в заметке о Карамзине: «Некоторые остряки за ужином переложили первые главы Тита Ливия слогом Карамзина. Римляне времен Тарквиния, не понимающие *спасительной пользы самодержавия*, и Брут, осуждающий на смерть своих сынов, *ибо редко основатели республик славятся нежной чувствительностью*, — конечно, были очень смешны» (XII, 306).

словами летописи, «ударилась крепко ... и спадоша с коней оба, и умроша» (цит. по: Карамзин 1817: 427). Представляется, что финал ДЛ пародирует эти известнейшие эпизоды баснословной римской и русской истории.

По наблюдению И.К. Стойчева, сцена, напоминающая двойную гибель казака и делибаша на поле битвы, имеется в повести «Кирджали» (1834), где рассказывается о героической гибели в сражении с турками грека Кантагони, одного из участников восстания этеристов во главе с Ипсиланти: «Кантагони, человек очень толстый, ранен был копьем в брюхо. Он одной рукой поднял саблю, другою схватился за вражеское копье, всадил его в себя глубже, и таким образом мог достать саблю своего убийцу, с которым вместе и повалился» (VIII, 256). Сам Стойчев считает, что Пушкин слышал и записал эту историю еще в Кишиневе, а девять лет спустя в Болдино, просматривая свои кишиневские рукописные материалы, обратил на нее внимание и воспользовался ею при доработке ДЛ (Стойчев 1956: 231–232).

С не меньшей долей вероятности можно предполагать, что рассказ о гибели Кантагони никакого отношения к доработке ДЛ не имел и что Пушкин отразил некоторое (далеко не полное) сходство двух сюжетов только задним числом, когда писал «Кирджали». Именно на это, как кажется, указывают параллели к ДЛ в тексте повести. Во-первых, Пушкин подчеркивает, что греков-этеристов преследовали именно делибаша, а во-вторых, заканчивает повесть восклицанием: «Каков Кирджали?», которое прямо переключается со стихом «Посмотрите! каковы?..» из последней строфы ДЛ.

Ю.Н. Тынянов рассматривал ДЛ как вызов «требованиям официальной среды и критики», которые ожидали от Пушкина торжественных од во славу русского оружия или крупных батальных сцен в духе «Полтавы»: «вместо оды была дана жанровая батальная сценка, в которой лапидарная поэтическая точность и непосредственность к концу переходят в иронию», а «нейтралитет поэтического наблюдателя явно переходит в сатирическое «равнодушие» поэта». По мысли Тынянова, ДЛ вместе с двумя другими поэтическими откликами на русско-турецкую войну — «Из Гафиза» и «Олегов щит» — входит в «маленькую сатирическую трилогию» и содержит «призывы к миру и иронический протест против войны» (Тынянов 1969: 195–196).

Трактовка ДЛ в антимилитаристском ключе вызвала возражения О.С. Муравьевой, справедливо указавшей, что «в стихотворении, безусловно, присутствует и известное восхищение “лихой забавой”» (Муравьева 2009: 426). Как кажется, сам уникальный и мифоподобный характер события, изображенного в ДЛ, не позволяет видеть в нем обобщающий и осудительный образ всей войны в целом, показывающий «бесполезность кровавой борьбы, основанной на взаимной вражде» (Лотман 1993: 134). Все-таки тема стихотворения — это личная отвага, самозабвенный воинский задор, «упоение в бою», к которому Пушкин относится амбивалентно. С одной стороны, молодецкая удаль лихих наездников, соприродная поэтическому восторгу, вызывает у него острый сочувственный интерес; с другой стороны, их самоубийственное безрассудство, непослушное предостережениям разума, вызывает ироническое дистанцирование. Если вспомнить, что сам Пушкин, по воспоминаниям очевидцев, приехал в действующую армию одержимый «желанием ... убить или побить турка» (ПВВС 1998: II, 99) и только разумное попечение Н.Н. Раевского, М.И. Пущина и других опытных офицеров удержало его от рискованной игры собственной жизнью, то в концовке ДЛ можно заподозрить и ретроспективную самоиронию.

Как и три другие стихотворения «кавказского цикла» — «Дорожные жалобы», «Из Гафиза (Лагерь при Ефрате)» и «Дон», ДЛ написан четырехстопным хореем. М.Л. Гаспаров показал, что начиная с 1828–1829 годов этот размер для Пушкина «становится носителем экзотики, ... носителем “чужого голоса”», причем ДЛ он отнес к текстам, имеющим восточный колорит (Гаспаров 1990: 9–10). На наш взгляд, однако, восточный колорит в стихотворении выражен слабо и смешан с колоритом «боевым», напоминающим о «гусарских» хореях Дениса Давыдова («Бурцову», «Песня», «Песня старого гусара»), с хвастливым эпикурейством которых Пушкин, как можно понять, вступает в полемику.

...красный Делибашъ — то есть делибаш в красном. Английский драгун, лейтенант Джеймс Эдвард Александер, служивший в Тегеране и ехавший в 1826 году в Арзрум под охраной небольшого отряда делибашей карского пашалыка, описал в своих путевых записках их костюмы. Рядовые делибашы были одеты в простые коричневые мундиры, а их командир (“their aga, or leader”) — в ярко-красный (scarlet) шелковый кафтан, отороченный мехом (Alexander 1827: 226). Следовательно, пушкинскому казаку противостоит ага, делибаш офицерского звания.

Делибашь! не суйся къ лавѣ — Лава — построение казачьей кавалерийской сотни в одну шеренгу (линию) для атаки. «При расположении нескольких казачьих сотен или полка, каждая из них располагается лавою, одна за другою, или по несколько сотен в одну линию. Первая линия сначала идет шагом, потом рысью, а по сближении к неприятелю на 80 сажень делает удар в карьер или вскачь» (Военный лексикон 1844: 10).

Делибашъ ... Сь плечь удалую башку. — Пушкин обыгрывает здесь буквальный перевод слова «делибаш» — удалая башка. Игра тем более остроумна, что «башка» связана с «делибашем» не только фонетически, но и этимологически, так как восходит к тому же турецкому существительному *baş* (голова), которое входит в состав последнего (Wachtel 2011: 163).

ЛИТЕРАТУРА

Военный лексикон 1844 — Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов. Ч. 8. СПб., 1844.

Гаспаров 1990 — *Гаспаров М.Л.* Семантический ореол пушкинского четырехстопного хоря // Пушкинские чтения. Сборник статей. Таллинн, 1990. С. 5–14.

Измайлов 1976 — *Измайлов Н.В.* Очерки творчества Пушкина. Л., 1975.

Карамзин 1817 — *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Т. V. СПб., 1817.

Лотман 1993 — *Лотман Ю.М.* Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. III: Статьи по истории русской литературы. Теория и семиотика других искусств. Механизмы культуры. Мелкие заметки. Таллинн, 1993. С. 127–137.

Муравьева 2009 — *Муравьева О.С.* Делибаш // Пушкинская энциклопедия. Произведения. Вып. 1. А – Д. СПб., 2009. С. 425–426.

ПВВС 1998 — Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд, доп. / Вступ. ст. В.Э. Вацуру; Сост. и примеч. В.Э. Вацуру, М.И. Гиллельсона, Р.В. Иезуитовой, Я.Л. Левкович и др. СПб., 1998. Т. I–II.

Слинина 1977 — *Слинина Э.В.* Лирический цикл А.С. Пушкина «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)» // Пушкинский сборник. Л., 1977. С. 3–15.

Стойчев 1956 — *Стойчев И.К.* Заметки о Пушкине // Пушкин: Исследования и материалы. Т. I. М.; Л., 1956. С. 230–235.

Тит Ливий 1989 — *Тит Ливий.* История Рима от основания города / Ред. пер. М.Л. Гаспарова и Г.С. Кнабе. М., 1989. Т. I.

Тынянов 1969 — *Тынянов Ю.Н.* О «Путешествии в Арзрум» // Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М., 1969. С. 192–208.

Ушаков 1836 — *Ушаков Н.И.* История военных действий в Азиатской Турции, в 1828 и 1829 годах. Ч. II. СПб., 1836.

Alexander 1827 — *Alexander J.E.* Travels from India to England; Comprehending a Visit to the Burman Empire, and a Journey through Persia, Asia Minor, European Turkey, &c. In the Years 1825–1826. L., 1827.

Wachtel 2011 — *Wachtel M.* A Commentary to Pushkin's Lyric Poetry, 1826–1836. The University of Wisconsin Press, 2011.